

Л.Н. Славина*

L.N. Slavina*

**Демографический потенциал
Красноярского края
в контексте социальных
трансформаций
в постсоветские десятилетия**

**Demographic Potential
of the Krasnoyarsk Krai
in the Context of Social
Transformations
in the Post-Soviet Decades**

doi:10.31518/2618-9100-2021-4-19

doi:10.31518/2618-9100-2021-4-19

УДК 94:314.1(571.51)«1991/2021»

Выходные данные для цитирования:

How to cite:

Славина Л.Н. Демографический потенциал Красноярского края в контексте социальных трансформаций в постсоветские десятилетия // Исторический курьер. 2021. № 4 (18). С. 203–213. URL: <http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-4-19.pdf>

Slavina L.N. Demographic Potential of the Krasnoyarsk Krai in the Context of Social Transformations in the Post-Soviet Decades // Historical Courier, 2021, No. 4 (18), pp. 203–213. [Available online:] <http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-4-19.pdf>

Abstract. The main trends in the development of the demographic potential of the Siberian territories in the post-Soviet thirty years are considered using the example of the Krasnoyarsk Krai. It is found out with what potential Siberians came in the new period of development of the country, how it changed in the conditions of radical transformation of society and what features of this process were manifested in the region. The author evaluates the quality of demographic potential at the moment, its possibilities in the reproduction of the population and the modernization of all spheres of life in the region in the future. All processes in the Krasnoyarsk Krai have been studied in comparison with similar processes in Russia as a whole. The analysis is based on the results of the general population censuses of 1989, 2002 and 2010, the micro-censuses of 1994 and 2015, and current statistics. The study of changes in the main components of the demographic potential (migration, natural population growth, its structures and the main types of demographic behavior of Krasnoyarsk residents), as well as their determinants, showed that the processes were of a transitional nature, combining modernization and traditional features. The result of the development of demographic potential is mostly negative. The quantitative and qualitative losses of the population in the region, especially in the countryside, are much higher than the national ones, and the formed development trends do not promise good prospects. The region has lost its demographic advantages that existed in the Soviet period (a younger population, increased natural growth, an influx of people from all over the country). The measures of the federal and regional authorities to regulate the development of population have shown poor effectiveness. It is required to carry out the search for the new measures that can meet the challenges of the time.

Keywords: demographic potential; migration; population reproduction; post-Soviet decades; Siberia; Krasnoyarsk Krai.

The article has been received by the editor on 16.06.2021

Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В статье на примере Красноярского края рассмотрены основные тенденции развития демографического потенциала сибирских территорий в постсоветское тридцатилетие. Выясняется, с каким потенциалом пришли сибиряки в новый период развития страны, как он изменялся в условиях радикальной трансформации общества и какие особен-

* Славина Людмила Николаевна, доктор исторических наук, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, Красноярск, Россия, e-mail: 200146@mail.ru

Slavina Lyudmila Nikolaevna, Doctor of Historical Sciences, Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev, Krasnoyarsk, Russia, e-mail: 200146@mail.ru

ности этого процесса проявились в крае, оценивается качество демографического потенциала в настоящий период, его возможности в воспроизводстве населения и модернизации всех сфер жизни в крае в перспективе. Все процессы в крае изучены в сравнении с аналогичными процессами в России в целом. Анализ проводится на основе итогов всеобщих переписей населения 1989, 2002 и 2010 гг., микропереписей 1994 и 2015 гг., текущей статистики. Исследование изменений основных составляющих демографического потенциала (миграции, естественного прироста населения, его структур и основных видов демографического поведения красноярцев), а также их детерминант показало, что процессы имели переходный характер, сочетали модернизационные и традиционные черты. Итог развития демографического потенциала в основном отрицательный. Количественные и качественные потери населения в крае, особенно в деревне, намного выше общероссийских, а сформировавшиеся тенденции развития не обещают хороших перспектив. Демографические преимущества, имевшиеся в советский период (более молодое население, повышенный естественный прирост, приток людей со всей страны), край утратил. Меры федеральных и краевых властей по регулированию развития населения показали слабую эффективность. Требуется поиск новых, способных ответить на вызовы времени.

Ключевые слова: демографический потенциал; миграция; воспроизводство населения; постсоветские десятилетия; Сибирь; Красноярский край.

Среди всех «потенциалов», определяющих развитие страны и ее регионов, важнейшим является их демографический потенциал. Он аккумулирует в себе итоги развития населения и территории его проживания, какие важно знать историку. Но еще важнее, что он выступает индикатором жизнеспособности населения, его возможностей действовать во всех сферах общества в текущий период и в перспективе, прежде всего физически воспроизводиться и изменяться самому по мере необходимости.

Основными компонентами демографического потенциала являются численность населения, определяемая естественным приростом и миграцией, а также демографические структуры (возрастно-половая, брачно-семейная и проч.). Способность потенциала к физическому воспроизводству, развитию и реализации в жизни во многом зависит от поведения самого населения – демографического (матримониального, репродуктивного, самосохранительного и др.) и миграционного. На возможности потенциала влияют качество демографических процессов на конкретной территории и проводимая на ней политика (экономическая, социальная, демографическая и проч.).

Будучи базовым фактором развития, демографический потенциал требует детального анализа. Однако, при всем внимании науки и общества к демографической сфере современной России, проблемы населения большинства ее регионов слабо освещены в отечественной литературе, несмотря на очевидную потребность¹. Демографические процессы, как известно, сейчас развиваются «не лучшим образом», значит, нужно отслеживать все изменения, чтобы воздействовать на них.

В данной работе рассматривается демографический потенциал воспроизводства населения сибирского региона на примере Красноярского края – самого крупного по числу жителей и по площади субъекта Сибирского федерального округа. Выясняется, как на него повлияли распад СССР в 1991 г. и дальнейшая трансформация общества, как он изменялся в последующих десятилетиях, в каком состоянии находится в настоящее время и какими возможностями обладает. Определяются также факторы, укреплявшие или ослаблявшие его.

Хронологические рамки работы – рубеж 1980–1990-х гг. (конец советской эпохи) – настоящее время (2020–2021 гг.). Информационная база исследования – итоги всеобщих пере-

¹ Сукнева С.А. Демографический потенциал развития населения северного региона. Новосибирск, 2010; Сукнева С.А. Демографический потенциал воспроизводства северного региона (на примере республики Саха (Якутия): автореф. дис. ... д-ра экон. наук. М., 2011; и др.

писей населения 1989, 2002 и 2010 гг., микропереписей 1994 и 2015 гг., материалы текущей демографической статистики.

Формирование населения Красноярского края, как и всей Сибири, столетиями определялось доминирующим влиянием притока мигрантов, сравнительно высокими показателями рождаемости, смертности и значительным естественным приростом, обусловленным более молодой, чем в Европейской России, возрастной структурой жителей. Все вместе они способствовали быстрому наращиванию демографического потенциала своих территорий.

В момент распада СССР в Красноярском крае проживали 3 164,2 тыс. чел., из них 73,7 % – в городских поселениях, 26,3 % – в сельских². Малое число жителей и несоразмерность их с территорией всегда являлись острой проблемой края. Она решалась с помощью внешней миграции и более высокого, чем в Европейской России, естественного прироста населения. Благодаря им число красноярцев росло, например, за 1960–1980-е гг. – на 40 % (с 2 245,7 в 1960 г.)³. Но с 1993 г., на год позднее, чем в России в целом, край начал терять население, оно тоже стало сокращаться.

Миграция и естественный прирост остались, как и прежде, источниками его формирования и изменений в численности и качестве. Но возможности обоих стали радикально ухудшаться. С конца 1980-х гг. началась устойчивая миграционная убыль населения. Она сочеталась с отрицательным естественным приростом, впервые обозначившимся в 1993 г. Нисходящая динамика обоих компонентов формирования населения усугублялась деформацией демографических структур. Это еще снижало качество естественного прироста, а он в свою очередь ухудшал структуры, и так без остановки.

Процесс шел непрерывно до 2010 г. Причем, если население страны в целом уменьшалось только из-за отрицательного естественного прироста, а сальдо миграции все время оставалось положительным, то в крае оно убывало по обеим причинам. На 1 января 2010 г. в нем уже жили 2 826,5 тыс. чел. – на 337,7 тыс. меньше (–10,7 %), чем в начале 1992 г. Число горожан уменьшилось на 178,8 чел. (–7,7 %), сельчан – на 158,9 тыс. (–19,1 %) (табл. 1).

Обнадеживающие тенденции в динамике численности жителей края появились в 2007–2009 гг., когда стали снижаться потери и от миграции, и от естественного прироста. А с 2010 г. начался кратковременный рост населения за счет обоих источников. Точнее, он возобновился только в городах. Но благодаря ему стала увеличиваться и общая численность красноярцев. Сельское же население уменьшалось из года в год непрерывно, и пока нет надежд хотя бы на стабилизацию его численности.

Таблица 1

Динамика численности населения Красноярского края
в 1992, 2000, 2010–2012, 2018–2021 гг. (тыс. чел., на 1 января соответствующего года).

1992	2000	2010	2011	2012	2018	2019	2020	2021
Общая численность населения								
3 164,2	3 022,1	2 826,5	2 829,1	2 838,4	2 876,5	2 874,0	2 866,3	2 855,9
Численность городского населения								
2 330,5	2 269,8	2 151,7	2 181,6	2 170,4	2 226,1	2 229,0	2 222,2	2 217,1
Численность сельского населения								
833,7	752,3	674,8	667,6	668,0	650,4	645,0	644,0	638,8

Составлено по: Красноярский краевой статистический ежегодник, 2020: стат. сб. Красноярск, 2020. С. 38–39 [Электронный ресурс]. URL: <https://krasstat.gks.ru/folder/30015?print=1> (дата обращения: 06.05.2020).

² Естественное движение населения Красноярского края: стат. сб. Красноярск, 1992. С. 13.

³ Красноярскому краю – 85. Стат. очерк. Красноярск, 2019. С. 10.

С 2018 г. в крае снова началось общее сокращение населения, причем с ускорением. Мощный импульс ему придала пандемия COVID-19. К 2021 г. численность красноярцев снизилась до уровня 2014 г. и составила (по расчетам Росстата, вероятно, завышенным) 2 855,9 тыс. чел. (см. табл. 1). Таким образом, за три десятилетия число жителей в Красноярском крае уменьшилось на 308,3 тыс. чел. (–9,7 % против –1,6 % в России (вместе с Крымом). Горожан стало меньше на 113,4 тыс. (–4,9 %), тогда как в целом в стране их количество незначительно выросло (+2,0 тыс. чел.). Численность сельчан уменьшилась на 194,9 тыс. (–23,4 % против –5,0 % в РФ)⁴. Масштабы людских потерь в крае различались по районам, но были везде. Еще больше увеличилось несоответствие между населением и требующими «ухода» огромными территориями.

Пропорции между городским и сельским населением тоже изменились. В конце 1991 г. доля сельчан в крае была такой же, как в РСФСР (соответственно 26,3 и 26,4 %). За последующее тридцатилетие она снизилась до 22,4 % против 25,4 % в РФ. Эта «урбанизация» стала следствием не индустриальных успехов красноярцев, а сокращения сельского населения в крае темпами, почти впятеро превосходившими общероссийские.

Быстрая убыль населения в крае заставляет подробнее проанализировать и оценить миграцию и естественный прирост – оба источника его роста и их возможности.

Влияние первого источника – миграционного движения – на динамику численности населения Красноярского края резко изменилось по сравнению с недавним прошлым. Намного сократилось число как прибывавших в край, так и выбывавших, т.е. миграционный оборот. Край, прежде привлекавший людей со всей страны, стал территорией их массового оттока. Теперь новые заводы в нем не строились, а действовавшие оказались в глубоком кризисе. Люди стали уезжать в более благоприятные места России и за границу – в страны СНГ и дальше зарубежье. Размеры оттока колебались по годам, но сальдо миграции оставалось стабильно отрицательным. За 1992–2010 гг. край лишился из-за миграции более 150,6 тыс. чел.

В 2011–2017 гг. механический прирост был положительным. Но он за 7 лет составил лишь 22,6 тыс. чел. и компенсировал чуть более седьмой части потерь за предыдущие два десятилетия. В 2018 г. сальдо миграции вновь стало отрицательным и составило –278 чел., в 2019 г. выросло до –2 778 чел.⁵

Миграционный отток вызвал множество негативных последствий. Пустели пространства, обживавшиеся веками с огромным трудом. Уезжали не просто люди, а адаптированные к жизни и работе в сложных условиях Сибири (около 2/3 мигрантов прожили в крае более 10 лет). Почти три четверти участников миграционных процессов находились в детородных возрастах, часто 16–29-летние. Сокращая собою численность населения в местах выбытия, они ухудшали и его структуры. Миграционная активность отражалась на репродуктивных планах самих переселенцев, снижала число ожидаемых ими детей. Модель поведения родителей в отношении перемены места жительства (со всеми негативными демографическими последствиями) усваивалась их детьми и окружением.

В крае еще больше, чем в последние советские десятилетия, вырос относительный отток населения из сельской местности, особенно молодых женщин, уносивших с собой ее демографический потенциал. Часть их переселялась в красноярские города, и местная деревня оставалась, как прежде, их демографическим «донором». Но другая часть потенциала терялась безвозвратно с отъездом женщин из края.

Второй источник формирования и развития населения – естественный прирост – тоже ухудшался по всем параметрам. Весь 30-летний период край, как и Россия в целом,

⁴ Рассчитано по: Российский статистический ежегодник, 2020. М., 2020 [Электронный ресурс]. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b20_13/Main.htm (дата обращения: 01.05.2020); Красноярский краевой статистический ежегодник, 2020. С. 38–39 [Электронный ресурс]. URL: <https://krasstat.gks.ru/folder/30015?print=1> (дата обращения: 21.05.2020).

⁵ Подсчитано по: Официальная статистика: Красноярский край: население: Комплексная информация [Электронный ресурс]. URL: http://krasstat.gks.ru/wps/wcm/connet/rosstat_ts/krasstat/ru (дата обращения: 09.05.2020).

находится в хроническом демографическом кризисе, концентрированным проявлением которого выступает депопуляция. В оценке его причин сформировались две позиции. Сторонники первой, господствующей в обществе, считают его единственной причиной реформирования страны после распада СССР. Вторая позиция основана на том, что демографическая сфера России пребывает в кризисе с 1960-х гг., а реформы 1990-х лишь усугубили его и довели до самой острой фазы. Наши многолетние исследования демографической истории Сибири второй половины XX в.⁶ не оставляют сомнений в правоте второй позиции. Ясно, что демографические проблемы края и всей России имеют двоякую природу. С одной стороны, это общие проблемы всех развитых стран, порожденные демографической модернизацией. Они характерны и для России как европейской страны, и для края как ее органической части. С другой стороны, это «чисто российские» проблемы, рожденные трансформацией общества на новых основах.

В развитии демографической сферы России в изучаемом тридцатилетии условно можно выделить четыре этапа, рубежами которых служат середина «нулевых» годов, 2015 и 2020 гг. Сущность первого часто определяется как социодемографическая катастрофа (школа Н.М. Римашевской и др.)⁷, второго – как неустойчивая стабилизация демографической сферы, третьего – появление второго «русского креста» и рост новой волны депопуляции, четвертого – обострение с 2020 г. кризиса в условиях пандемии COVID-19.

Естественный прирост в крае развивался по российской модели и отличался лишь количественными показателями, иногда – в лучшую сторону (благодаря прежде накопленному демографическому потенциалу). Так, край перешел в фазу открытой депопуляции в 1993 г., на год позже, чем страна в целом. А естественный прирост в нем стал снова положительным раньше, с 2010 г., и сохранялся до 2018 г., тогда как в России он был положительным лишь в 2013–2015 гг.⁸

Начало депопуляции в крае стало неожиданностью. В последнем советском тридцатилетии естественный прирост населения не вызывал тревог: число рождений «с запасом» превышало количество смертей. Но в действительности депопуляция уже началась. Воспроизводство населения в красноярских городах стало суженным с 1960-х гг. Именно тогда уровень рождаемости упал в них ниже границы простого воспроизводства, а уровень смертности начал расти, причем по всему краю. Но «молодость» возрастной структуры красноярцев (в ней было мало стариков и, значит, смертей) маскировала депопуляцию и сохраняла прирост положительным. Общекраевые показатели поддерживали «на должном уровне» также деревни, где до 1990-х гг. сохранялось расширенное замещение поколений благодаря более высокой рождаемости. Однако чистый коэффициент воспроизводства (нетто-коэффициент, учитывавший и спад рождаемости, и рост смертности) уменьшался и к концу советского периода опустился ниже 1,000 (границы простого замещения поколений). В 1990 г. он составил 0,889 и продолжал снижаться, упав до 0,544 в 1999 г. Это означало, что уходившие из жизни поколения теперь восполнялись едва наполовину. В 2000-х гг. нетто-коэффициент начал медленно расти, но в 2017 г. остановился и вновь стал снижаться⁹.

Первой причиной отрицательного естественного прироста населения в крае, как и в России в целом, стал спад числа ежегодных рождений (табл. 2). Красноярцы вступили в постсоветский период на волне резкого падения уровня рождаемости. Суммарный коэффициент рождаемости (далее СКР), показывающий число детей, рожденных среднестатистической женщиной в конкретном поколении, снизился в крае с 2,349 в 1987 г.¹⁰ до 1,882 в

⁶ Славина Л.Н. Сельское население Восточной Сибири (1960–1980-е гг.). Красноярск, 2007; и др.

⁷ Яковец Т.Ю. Государственное регулирование социодемографических процессов в России. М., 2017; и др.

⁸ Демографический ежегодник России, 2019. М., 2019. С. 16 [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13207> (дата обращения: 21.05.2020); Красноярский краевой статистический ежегодник, 2020. С. 38–39 [Электронный ресурс]. URL: <https://krasstat.gks.ru/folder/30015?print=1> (дата обращения: 21.05.2020).

⁹ Демографический ежегодник Красноярского края, 2011. Красноярск, 2011. С. 48.

¹⁰ Естественное движение населения Красноярского края... С. 23.

1990 г. (против 1,892 в России) и 1,530 в 1992 г.¹¹ Это означало, что уже в первом году реформ замещение поколений обеспечивалось примерно на 70 %, поскольку для простого воспроизводства нужен СКР, равный 2,15–2,20.

Таблица 2

Основные показатели воспроизводства населения
Красноярского края в 1991, 2009, 2015 и 2019–2020 гг.

Годы	На 1000 жителей число			Суммарный коэффициент рождаемости	Ожидаемая продол- жительность жизни		Кoeffи- циент младенче- ской смерт- ности	Возрастные группы, %	
	Рождений	Смертей	Ест. прирост		Муж.	Жен.		0–15 лет	60 и более лет
1991	13,0	9,8	3,2	1,735	62,5	73,5	21,2	27,2	11,3
2009	13,5	13,3	0,2	1,591	61,7	73,4	10,4	17,1	15,8
2015	14,4	12,7	1,7	1,837	64,0	75,3	6,2	19,1	18,0
2019	10,5	12,2	–1,7	1,510	65,8	76,3	6,4	19,0	19,5
2020	10,1	14,3	–4,2	1,5	–	–	5,2	19,9	20,0

Составлено по: Демографический ежегодник Красноярского края, 2011. С. 26, 42–43; Красноярский краевой статистический ежегодник, 2020. Красноярск, 2020. С. 41–42, 46–48, 50 [Электронный ресурс]. URL: <https://krasstat.gks.ru/folder/30015?print=1> (дата обращения: 21.05.2020); Данные о возрастных группах в 1991 г.: Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 года по Красноярскому краю. Красноярск, 1990. С. 38.

В 1990-х гг. никаких мер поддержки уровня рождаемости со стороны государства не предпринималось, и он продолжал падать: СКР опустился в 1999 г. до 1,168 (против 1,195 в РФ)¹². Судя по статистике, «привлекательность» низкой рождаемости прочно укоренилась в системе ценностей большинства красноярцев. Ухудшились условия жизни, и люди не спешили «заводить детей». В крае, как в целом в стране, проявился феномен «отложенных рождений», многие из которых так и остались нереализованными.

В 2000-х гг. государство, наконец, начало проводить прокреативную политику. Но федеральные меры в совокупности с региональными не подняли уровня рождаемости в крае даже до границы простого воспроизводства. СКР начал расти, но медленно, неустойчиво, и к 2015 г. достиг лишь 1,837.

Красноярцы на политику властей реагировали по-разному. Сельское население «отозвалось» на выплачиваемый с 2007 г. материнский капитал и прочие меры. Рождаемость в деревне сразу начала повышаться. СКР в 2009 г. поднялся до уровня простого воспроизводства (2,197), вырос в 2014 г. до 2,908, затем стал снижаться (до 2,250 в 2019 г.)¹³, но все десятилетие обеспечивал расширенное замещение поколений. Однако сельчане, составляя менее четверти населения края, не могли «спасти» общую ситуацию. Ее определяли горожане. А они остались почти «глухими» к прокреативным мерам власти. В городах СКР, составлявший в 2009 г. 1,386, поднялся до 1,702 в 2015 г., а затем снизился до 1,375 в 2019–2020 гг., т.е. всегда оставался намного ниже границы простого воспроизводства¹⁴.

В 2015 г. был лучший за все 30-летие СКР и в целом ситуация в сфере воспроизводства населения в крае. А с 2016 г. показатели стали опять ухудшаться. Если в предыдущие годы

¹¹ Демографический ежегодник Красноярского края, 2007. Красноярск, 2007. С. 47.

¹² Там же.

¹³ Официальная статистика: Красноярский край: население: Комплексная информация [Электронный ресурс] URL: http://krasstat.gks.ru/wps/wcm/connet/rosstat_ts/krasstat/ru (дата обращения: 07.05.2029).

¹⁴ Там же.

главную негативную роль в этом процессе играла чрезвычайно высокая смертность, то теперь – катастрофический спад числа ежегодных рождений. В 2019 г. родилось на 26,8 % меньше детей, чем в 2015 г.¹⁵ Это событие ожидалось, его вызвали те же факторы, что и в России в целом, – структурный (началось сокращение числа женщин наилучших репродуктивных возрастов) и поведенческий (спад уровня рождаемости). Все свидетельствует о том, что эти тенденции – долгосрочные.

Еще большее негативное воздействие на демографический потенциал оказывал характер развития смертности. Ее уровень в крае в советский период был выше, чем в целом в РСФСР, а в деревнях – намного выше, чем в городах. Эта ситуация в принципе не изменилась и в рассматриваемый период. Смертность, как и рождаемость, эволюционировала в рамках общероссийских трендов, большинство ее показателей по-прежнему были много хуже средних по России.

В постсоветский период красноярцы вошли на волне начавшегося в 1988 г. роста смертности. В самом общем виде ее характеризует динамика общего коэффициента смертности (ОКС). В 1991 г. он составлял в крае 9,8 ‰ (см. табл. 2) и был ниже, чем в России (13,4 ‰)¹⁶. Из 1 000 жителей в крае умирали меньше людей, чем в стране, но лишь потому, что в нем было мало стариков, которым «приходила пора уходить из жизни». Уровень же смертности у красноярцев был выше среднероссийского во всех возрастах, начиная с младенцев. Наибольший разрыв – в 1,5 раза – отмечался у 15–24-летних, в когортах от 25 до 70 лет он составлял 1,2–1,4 раза¹⁷.

В динамике ежегодного числа смертей в крае в рассматриваемый период выделяются несколько этапов: рост в 1988–1994 гг. до 14,9 ‰, небольшое снижение в 1995–1997 гг., новый рост с 1998 по 2005 г., когда был достигнут максимум (15,8 ‰), превысивший уровень 1987 г. (8,7 ‰)¹⁸ почти вдвое. С 2006 г. ситуация стала улучшаться. Общие коэффициенты смертности снижались и стабилизировались на уровне 12,7 ‰ в 2013–2015 гг. Но этот показатель оставался слишком высоким, особенно в деревне. В 2005 г. он составлял там 20,7 ‰ против 14,3 ‰ в городах, в 2013–2015 гг. – соответственно 15,6–15,8 ‰ против 11,8 ‰¹⁹. Такое различие частично объясняется более «старым» возрастом сельчан. Но главные проблемы лежали в характере смертности. В крае недопустимо высокой оставалась смертность населения в трудоспособном возрасте, причем и мужчин, и женщин. Сохранялся очень большой разрыв между показателями разных полов. В структуре причин смертности мужчин рабочего возраста продолжали преобладать потенциально устранимые экзогенные причины, прежде всего, внешние воздействия травматического характера.

Единственное крупное достижение красноярцев в борьбе со смертностью – снижение ее уровня у младенцев в 2000-х гг. В 1991 г. он был выше, чем в РСФСР (21,2 ‰ против 17,8 ‰)²⁰, почти не снижался до конца десятилетия, а в кризисном 1999 г. даже «подскочил» до 24,6 ‰²¹. Перелом наступил лишь в 2002 г., когда младенческая смертность сократилась до 16,6 ‰ и в последующие годы продолжила снижение. В 2008 г. впервые в истории края она опустилась ниже 10 промилле (до 9,7 ‰), в 2014 г. составила 8,3, а в 2015 г. – 6,2 ‰²². Однако успех был достигнут только в городах. Сельчане, обделенные жизненными благами,

¹⁵ Красноярский край в цифрах в 2020 г.: стат. сб. Красноярск, 2020. С. 24–25.

¹⁶ Численность, состав и движение населения в Российской Федерации: стат. сб. М., 1992. С. 117.

¹⁷ Там же. С. 76, 387

¹⁸ Демографический ежегодник Красноярского края, 2007. С. 27.

¹⁹ Красноярский краевой статистический ежегодник, 2020. С. 46, 47. [Электронный ресурс]. URL: <https://krasstat.gks.ru/folder/30015?print=1> (дата обращения: 21.05.2020).

²⁰ Численность, состав и движение... С. 352, 358.

²¹ Демографический ежегодник Красноярского края, 2011. С. 89; Демографический ежегодник России, 2006. М., 2006. С. 101.

²² Красноярский краевой статистический ежегодник, 2020. С. 50. [Электронный ресурс]. URL: <https://krasstat.gks.ru/folder/30015?print=1> (дата обращения: 23.05.2020).

«проигрывали» и в этом. В 2015 г. младенческая смертность составляла у них 11,1 ‰ против 4,8 ‰ у горожан²³.

Небольшие положительные изменения в процессе смертности, в основном в младенческой, сказались на продолжительности жизни красноярцев – ключевой характеристике их демографического потенциала. В течение многих десятилетий показатели ожидаемой продолжительности жизни (ОПЖ) и у мужчин, и у женщин в крае были хуже, чем в среднем в России: жизнь – короче, а разница между полами, между горожанами и сельчанами – больше. Так, на рубеже эпох, в 1990–1991 гг., ОПЖ в РСФСР составляла 69,0 лет, а в крае – 67,7 года. «Мужской век» в целом по России был равен 63,5 года, а в крае – 62,2 года, «женский век» – 74,3 и 73,2 года соответственно. Все свидетельствовало, что «сибирское здоровье» – не более чем миф. В красноярских городах люди жили в среднем 68,2 года, в деревнях – 66,0 лет²⁴.

После 1991 г. ситуация менялась с трудом. Сначала показатель ОПЖ красноярцев «обрушился» к 1994 г. до 61,1 года – 54,8 года у мужчин и 68,8 года у женщин (против 63,8, 57,4 и 71,1 года по России соответственно)²⁵. Затем начался его неустойчивый медленный рост. В 2009 г. он вернулся к уровню начала 1990-х гг. (67,6 года), а в 2015 г. – к 1987 г. (высшей точке в XX в.) и составил 69,7 года, в т.ч. 64,0 года у мужчин и 75,3 у женщин²⁶. В итоге за четверть века продолжительность жизни в крае выросла на 2 года, в т.ч. у мужчин – на 1,8, у женщин – на 2,1 года. Важно отметить не только малый рост показателя, но и сохранение его огромной разницы между полами, а также между городом и деревней, которая даже увеличилась. В начале 1990-х гг. она составляла 2,2 года, а в 2015 г. – 4,4: горожанам предстояло прожить 70,7, а сельчанам – лишь 66,3 года. К 2019 г. эти показатели поднялись и составили 72,1 и 67,9 года соответственно, а в целом в крае – 71,2 года²⁷.

Яркой характеристикой потерь демографического потенциала края является показатель количества недожитых лет до потенциально достижимого возраста, который сейчас принято определять в 75 лет (уровень развитых стран). Видно, какие гигантские резервы имеет край. Хотя бы сокращением смертей от внешних воздействий. Их уровень понемногу снижается. Но они по-прежнему стоят в ряду главных причин ухода из жизни людей.

Важный показатель демографического потенциала – возрастно-половая структура населения. До распада СССР красноярцы как всякое модернизирующееся население «старели», но оставались моложе среднестатистических россиян, что подтверждает удельный вес крайних возрастных групп и их соотношение (см. табл. 2). В 1989 г. лица старше 60 лет составляли в крае 11,3 %, дети в возрасте 0–15 лет – 27,2 %, а в РСФСР – соответственно 15,3 и 24,5 %²⁸.

В постсоветские десятилетия процесс старения красноярцев ускорился и пошел быстрее, чем в России, в основном из-за оттока из края части молодого населения. С 1990 по 2020 г. их средний возраст вырос на 6,1 года (с 32,4 до 38,5 года), россиян – на 5,1 (с 34,9 до 40,0 года), а разница между ними уменьшилась с 2,5 до 1,5 года²⁹.

Из-за старения ухудшились воспроизводственные возможности возрастной структуры красноярцев и ее перспективы. Если в 1991 г. доля детей в ней была в 2,4 раза выше, чем стариков, то в 2018 г. они сравнялись на отметке 19 %, и продолжили развитие в прежнем направлении: доля детей – снижается, «стариков» – растёт, лаг между ними расширяется быстро. В РФ в целом это случилось на 6 лет раньше. Такое соотношение свидетельствует,

²³ Красноярский краевой статистический ежегодник, 2020. С. 50. [Электронный ресурс]. URL: <https://krasstat.gks.ru/folder/30015?print=1> (дата обращения: 23.05.2020).

²⁴ Численность, состав и движение... С. 393, 398.

²⁵ Демографический ежегодник Красноярского края, 2011. С. 48.

²⁶ Красноярский краевой статистический ежегодник, 2020. С. 47. [Электронный ресурс]. URL: <https://krasstat.gks.ru/folder/30015?print=1> (дата обращения: 23.05.2020).

²⁷ Там же. С. 47.

²⁸ Численность, состав и движение... С. 20.

²⁹ Красноярскому краю – 85... С. 12; Демографический ежегодник России, 2019. С. 32. [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13207> (дата обращения: 21.05.2020).

что накопленный в возрастной структуре потенциал демографического роста в крае исчерпан, как и в России. Естественный прирост теперь определяют лишь уровни рождаемости и смертности, причем решающая роль отводится рождаемости, которая немало зависит от структуры населения по полу в наилучших репродуктивных возрастах.

Край и здесь имеет специфику: он всегда отличался нехваткой «невест». В 1989 г. перепись зафиксировала в возрастных группах 20–35 лет по 920–940 женщин на 1000 мужчин³⁰. В 2020 г. их соотношение стало ровнее: число женщин выросло до 950–1014³¹. Но это мало повлияло на развитие демографических процессов. Тенденции их развития показывают, что ждать массового всплеска рождений в крае не приходится.

Во-первых, сокращается, как повсюду в России, число потенциальных матерей. На смену жившим в крае в начале 2016 г. 250,6 тыс. женщин в возрасте 25–34 года, которые обеспечили львиную долю прироста рождений в предыдущие годы, начали приходиться 154,4 тыс. 15–24-летних девушек³². Их на 40 % меньше, и вряд ли внешняя миграция сможет восполнить их число до желаемых размеров. Во-вторых, и это главное, изменилось репродуктивное поведение красноярцев. Они перестраиваются на стандарты развитых стран Запада, хотя условия их жизни вовсе не способствуют этому.

У красноярцев уже давно сформировалась установка на малодетность (1–2 ребенка). Это видно по возрастам, в основном уже закончившим свой репродуктивный процесс. По данным микропереписи 2015 г., троих и более детей родили от 12,4 % женщин в возрастной группе 35–39 лет и 13,4 % в возрасте 40–44 года, до 20,9 % среди 55–59-летних³³.

Данные микропереписи об «ожидаемых детях» показывают, что у большинства людей потребность в среднедетности вообще исчезла. Лишь 12,9 % 25–29-летних женщин собираются иметь (включая уже рожденных) троих и более детей. Среди 30–34-летних таких 17,1 %, а не половина, как нужно для обеспечения слегка расширенного воспроизводства. Еще скромнее планы у молодежи. Среди 20–24-летних девушек троих и более детей ожидают лишь 9,2 %, среди 18–19-летних – 7,5 %.

В статистике просматривается признак появления в крае адептов *child-free*, как на Западе. Согласно микропереписи 2015 г., никогда не рожали детей 17,2 % 30–34-летних женщин и 32,9 % 25–29-летних. Вообще не «заводить детей» собираются 28,7 % девушек 18–19-летнего возраста и 16,6 % 20–24-летних. Еще радикальнее настроены мужчины. Без детей намерены прожить 45,3 % парней 18–19-летнего возраста, треть (31,8 %) 20–24-летних, 17,6 % в группе 25–29-летних и 12,7 % в возрасте от 30 до 45 лет. Конечно, жизнь корректирует планы, но разрушить сложившиеся стереотипы сложно, тем более при существующих условиях жизни.

Репродуктивные возможности демографического потенциала «подрывает» и модернизация брачности. Браки перестали быть всеобщими и ранними, какими оставались до конца советского периода. В 2015 г. в них состояли только 61,0 % красноярцев в возрасте 16 лет и старше – 68,4 % мужчин и 55,1 % женщин. Девушки не торопятся «под венец» даже в деревне. В 1989 г. в крае были замужем 32,0 % 18-летних сельских женщин и 46,6 % 19-летних³⁴, а в 2015 г. – лишь 16,0 % сельчанок 18–19-ти лет. В целом же в браке состояли, согласно микропереписи, лишь 45,0 % 20–24-летних женщин, 68,8 % 25–29-летних, 73,2 % 30–34-летних. И, наоборот: в 1989 г. в браке не состояли лишь 25,8 % мужчин и 18,0 % женщин самого активного репродуктивного возраста 25–29 лет³⁵, а к 2015 г. доля мужчин этого возраста, «свободных от уз» брака, выросла до 42,5 %, женщин –

³⁰ Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 года... С. 78.

³¹ Красноярский краевой статистический ежегодник, 2020. С. 42. [Электронный ресурс]. URL: <https://krasstat.gks.ru/folder/30015?print=1> (дата обращения: 23.05.2020).

³² Там же. С. 40.

³³ Здесь и далее результаты микропереписи приводятся по: Итоги микропереписи населения 2015 г. [Электронный ресурс] URL: http://www.gks.ru/tree_doc/new_site/population/demo/micro-perepis/finish/micro-perepis (дата обращения: 23.05.2020).

³⁴ Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 года... С. 68.

³⁵ Там же. С. 82.

до 31,2 %. Таким образом, огромная часть народа лучших репродуктивных возрастов без всяких войн, сама исключилась из детородного процесса.

Брачность быстро «стареет». Среди заключавших в 2015 г. браки невест лишь 0,7 % были моложе 20 лет, 31,6 % находились в 20–24-летнем возрасте, 45,6 % – в 25–34-летнем, остальным (22,1 %) исполнилось 35 лет и более. Женихи были еще старше.

«Постарение» браков сдвинуло рождение первенцев на более поздний срок и сократило вероятность появления следующих детей. Статистика зафиксировала сокращение рождаемости в младших возрастах и повышение у женщин старше 25 лет. Средний возраст матери при рождении детей поднялся с 24,58 года в 1995 г. до 26,77 года в 2007 г., когда его рост притормозился началом выплаты материнского капитала. Возраст матерей повышается неравномерно. В городах – быстрее, в селах – медленнее и менее устойчиво. За 1995–2009 гг. он увеличился у городских матерей с 24,58 до 27,59 года, у сельских – с 24,34 до 26,01 года³⁶.

Браки слабеют, чаще заканчиваются разводами, подрывая и этим демографический потенциал. К 2015 г. доля разведенных в населении края выросла до 8,1 % среди мужчин и 13,5 % среди женщин. Ситуацию усугубил рост вдовцов (до 4,1 %) и вдов (до 19,1 %).

Среди красноярцев широко распространены фактические браки (сожительства), в которых, как известно, рождается меньше детей, чем в «законных». По их удельному весу край давно лидирует в России. Причем в деревнях их больше, чем в городах. По микропереписи, в 2015 г. они составляли в общей массе брачных союзов в России 12,5 %, а в крае – 17,0, в том числе 15,5 % в городах и 20,2 % в деревнях.

«Плодом» либерализации брачных отношений является высокая «внебрачная» рождаемость, эффективность которой ниже, чем в «законных» браках. Край и в советский период отличался высоким удельным весом «внебрачных» детей. В 1991 г. они составляли 20,6 % среди всех новорожденных. В постсоветское время их доля стала расти быстрее и в 2005 г. достигла 36,7 % (в РФ – 30 %³⁷), в том числе 33,4 % в городах и 46,3 % в деревнях³⁸. За последующее десятилетие таких рождений стало меньше, но не намного. В 2015 г. они составляли 26,9 %, в том числе в городе – 23,7, в деревне – 38,3 %.

Итак, после 1991 г. демографический потенциал Красноярского края развивался в условиях суженного воспроизводства и ухудшения демографических возможностей возрастной и брачной структур населения. Депопуляция и миграционный отток вызвали в нем намного большие, чем в России в целом, количественные потери и больше снизили его качество. Ущерб понесли, в разной степени, все составляющие потенциала. Внутри края наблюдается большая дифференциация его показателей. Городской потенциал контрастирует с сельским, и при этом оба остаются плохо изученными. Общество и, похоже, власти, недостаточно информированы о развивающихся тенденциях и их «корнях» в недалеком прошлом.

Перемены в населении, определявшие демографический потенциал края в постсоветские десятилетия, явились следствием его дальнейшей демографической модернизации по западному образцу в специфических российско-сибирских условиях. Результат получается гибридным. Смертность в крае остается высокой – как в развивающихся странах, причем далеко не в самых передовых. Рождаемость – низкой, как в развитых государствах. Но там она – результат высокого уровня жизни и богатых возможностей, в крае же (как и в России) – низкого уровня того и другого. Смертность и рождаемость с двух сторон негативно влияют на демографический потенциал. Его качество как фактора воспроизводства населения края и модернизации всех сфер жизни общества трудно оценить высоко. Все достижения 2000-х гг. свелись в основном к возвращению его базовых показателей к уровню начала 1990-х гг. Обозначившиеся в 2010-х гг. положительные тенденции в

³⁶ Демографический ежегодник Красноярского края, 2011. С. 76

³⁷ Демографический ежегодник России, 2019. С. 67. [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13207> (дата обращения: 21.05.2020).

³⁸ Демографический ежегодник Красноярского края, 2011. С. 80.

воспроизводстве населения сохранялись недолго. С лета 2015 г. началось их торможение. Еще два года естественный прирост, быстро снижаясь, оставался положительным. Но в 2018 г. опять приобрел отрицательное значение. Одновременно сокращался миграционный прирост, тоже ставший в 2018 г. отрицательным.

Современная ситуация не позволяет надеяться, что демографический потенциал в крае укрепитесь резким повышением естественного прироста и привлечением в нужном количестве мигрантов традиционными средствами. Обществу и власти важно осознать новизну ситуации и искать иные пути и стимулы для ее радикального улучшения. Пока же новые демографические вызовы глубоко не осознаны и остаются без эффективного ответа со стороны государства и общества.

Литература

Славина Л.Н. Сельское население Восточной Сибири (1960–1980-е гг.). Красноярск: КГПУ им. В.П. Астафьева, 2007. 472 с.

Сукнева С.А. Демографический потенциал развития населения северного региона. Новосибирск: Наука, 2010. 168 с.

Сукнева С.А. Демографический потенциал воспроизводства северного региона (на примере республики Саха (Якутия): автореф. дис. ... д-ра экон. наук. М., 2011. 43 с.

Яковец Т.Ю. Государственное регулирование социодемографических процессов в России. М.: Проспект, 2017. 274 с.

References

Slavina, L.N. (2007). *Sel'skoe naseleniye Vostochnoy Sibiri (1960–1980-e gg.)* [Rural Population of Eastern Siberia (1960–1980s)]. Krasnoyarsk, KSPU named after V.P. Astafyev. 472 p.

Sukneva, S.A. (2010). *Demograficheskiy potentsial razvitiya naseleniya severnogo regiona* [Demographic Development Potential of the Population of the Northern Region]. Novosibirsk, Nauka. 168 p.

Sukneva, S.A. (2011). *Demograficheskiy potentsial vosproizvodstva severnogo regiona (na primere respublik Sakha)* [Demographic Potential of Reproduction of the Northern Region (by the Example of the Republic of Sakha (Yakutia))]: Dr. Ekon. Diss. Abstract. Moscow. 43 p.

Yakovets, T.Yu. (2017). *Gosudarstvennoe regulirovanie sotsiodemograficheskikh protsessov v Rossii* [State Regulation of Sociodemographic Processes in Russia]. Moscow, Prospekt. 274 p.

Статья поступила в редакцию 16.06.2021 г.